

Н.В. Кольшницына

ЛУКИАН АДАМОВИЧ МИЛЛЕР

Во второй половине 1860-х годов в связи с проведением реформы средней школы становится очевидным недостаток учителей гимназий, и в первую очередь по гуманитарным предметам. Существовавшие при Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском, Киевском и Дерптском университетах педагогические курсы этой проблемы не решали, а уровень подготовки их выпускников не соответствовал требованиям времени. По мнению Министерства народного просвещения, лучшим средством устранения этой проблемы могло стать учреждение специального института, целью которого была бы подготовка учителей историко-филологического направления.

27 июня 1867 г. именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, в Петербурге был учрежден «особый императорский Историко-филологический институт», специально предназначенный для подготовки учителей по гуманитарным предметам для средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения¹. Однако далеко не сразу удалось укомплектовать штат преподавателей этого института, своих специалистов по многим дисциплинам еще не хватало, приходилось приглашать преподавателей из других стран, в первую очередь Германии, университеты которой были ведущими центрами подготовки филологов-классиков.

В 1870 г. начались активные поиски преподавателя кафедры латинского языка. Вследствие нехватки специалистов в России руководство Историко-филологического института обратилось к зарубежным коллегам. Активную помощь в поиске подходящей кандидатуры оказал профессор Лейпцигского университета Фридрих-Август Экштейн². Первоначально он рекомендовал обратиться с подобным предложением к Адольфу Кисслингу³, но профессор Гамбургского

университета отказался от переезда в Россию. Тогда директор института И.Б. Штейнман, по совету все того же Ф.-А. Экштейна, обратил свое внимание на подающего надежды доцента Боннского университета Луциана Миллера (Lucian Müller). После их личной встречи осенью 1870 г. Л. Миллер дал принципиальное согласие, и в октябре 1870 г. на заседании Конференции Историко-филологического института была проведена его баллотировка на должность ординарного профессора римской словесности института. Он был избран девятью голосами против одного⁴.

Луциан (в России — Лукиан Адамович) Миллер родился 5 (17) марта 1836 г. в немецком городе Мерзебурге в семье врача Фридриха Миллера. В трехлетнем возрасте лишился отца, а затем и матери. Первоначальное образование Л. Миллер получил в гимназии св. Иоахимма в Берлине. Он активно занимался у Августа Майнеке⁵ и получил основательные знания по грамматике, стилистике, просодии и метрике латинского языка⁶. По воспоминаниям Б.В. Варнеке⁷, несмотря на то что его первые шаги в латыни были не очень удачны (в первом своем латинском extemporale он сделал 10 ошибок), вскоре ситуация изменилась. «Ему попала под руки большая грамматика Цумпта, по которой учились в старших классах. Множество примеров, собранных в этой книге, заинтересовало Лукиана Адамовича, и много раз перечитывал он ее с начала до конца; поэтому латинский язык Миллер основательно изучил гораздо раньше своих товарищей, а постоянное чтение римских классиков сделало то, что латынь чуть не на школьной скамье стала для Миллера родной речью»⁸.

В 1854—1861 гг. Л.А. Миллер завершил свое образование в Берлинском университете⁹, где обратил на себя внимание Августа Бека¹⁰. Кроме того, в 1855 г., уже будучи студентом, он прослушал курс в Халле у Готфрида Бернхарда. Тем не менее на его взгляды в области филологической критики большее влияние оказал не Август Бек, а Август Майнеке и Карл Лахманн¹¹. Свои взгляды на критический анализ античных текстов Л.А. Миллер изложил в 1861 г. в работе «De re metrica poetarum Latinorum praeter Plautum et Terentium libri septem».

После окончания университета Л.А. Миллер некоторое время прослужил преподавателем классической гимназии, а в 1862 г. переехал в Нидерланды, где зарабатывал на жизнь в качестве домашнего учителя. В это время он начал составление обзора по истории филологии Нидерландов «Geschichte der klassischen Philologie in den Niederlanden», который был окончен уже в Бонне в 1869 г.¹², куда в 1867 г.

Лукиан Миллер был приглашен на должность доцента Боннского университета¹³. Осенью 1870 г., как уже упоминалось, его пригласили в Петербург. Однако сразу приехать он не смог и написал И.Б. Штейнману, что в данный момент у него еще остаются лекции в Боннском университете, которые необходимо закончить, и если предлагаемое место останется вакантным до начала декабря, он согласен занять кафедру¹⁴. 25 ноября 1870 г. Л.А. Миллер получил от Министерства народного просвещения 250 руб. на путевые издержки и перебрался в Петербург¹⁵.

Вся дальнейшая жизнь, с конца 1870 г. до смерти в 1898 г., Л.А. Миллера связана с Историко-филологическим институтом. Все свои силы и энергию он отдавал педагогической деятельности, которая всегда привлекала его, поскольку Лукиан Адамович считал подготовку учителей для гимназий первостепенной задачей любого филолога-классика¹⁶. Помимо преподавания в Историко-филологическом институте, в начале сентября 1873 г. правление Римско-католической духовной академии пригласило Л.А. Миллера занять должность профессора латинской словесности и греческого языка. Профессор выразил свое согласие и 15 сентября 1873 г. был утвержден в этой должности¹⁷.

По прибытии в Россию Л.А. Миллер получил чин статского советника, затем — действительного статского советника¹⁸. Имел ордена св. Владимира 3-й степени, св. Анны 2-й степени и св. Станислава 2-й степени, св. Станислава 1-й степени, св. Анны 1-й степени.

Среди документов фонда Петроградского историко-филологического института (Ф. 53 в ЦГИА СПб.) сохранились записки о курсах Л.А. Миллера. За разные годы они отличаются различной полнотой информации, но в целом дают отчетливое представление о читаемых курсах по истории римской литературы. На младших курсах он занимался со студентами переводами с греческого языка на латинский «Анабасиса» и «Меморabilia» Ксенофонта, а также переводами с русского на латинский по учебнику Фохта «Материалы для упражнений в переводах с русского языка на латинский». Для студентов старших курсов разряда древних языков читался курс истории римской литературы с древнейших времен, в рамках которого речь шла о происхождении и свойствах латинского языка, древнейших латинских памятников, а также рассматривались биографии и произведения Ливия, Андроника, Невия, Плавта, Энния, Цецилия, Теренция, М. Цицерона и его брата, Цезаря, Корнелия Непота, Саллюстия,

Лукреция, Катулла, Вергилия, Горация, Овидия, Тибулла, Проперция, Флакка, Тита Ливия¹⁹. Из авторов особое внимание обращалось на различия между современниками Цезаря и Августа, из произведений в первую очередь рассматривались те, которые изучались в курсе средней школы. Все лекции он читал на латинском языке, и, как вспоминал Б.В. Варнеке, «малейшая попытка студента воспользоваться русской речью встречала отпор в добродушном «не понимаю по-русску»²⁰.

Готовясь к лекциям, Лукиан Адамович всегда придерживался правила, что профессор-классик должен ориентироваться главным образом на тех студентов, которые впоследствии станут преподавателями гимназий: «Лектор всегда применялся к познаниям своей аудитории, стараясь, чтобы ничто не осталось невыясненным для студента; сообщались главным образом те сведения, которые необходимы для будущего гимназического учителя, и никогда нельзя было заподозрить Л.А. в желании поразить глубиной своих познаний. Слушатели не утопали в море непереваренных цитат, и их внимание не отвлекалось от объясняемого текста пространными экскурсами». В то же время «лекции были очень сжаты и носили строго фактический характер, но Л.А. любил на них иногда по поводу того или иного вопроса пускаться в подробности, подчас крайне интересные. Такое отступление всегда предвещалось фразой: *ut obiter dicam*²¹, и тут-то всякий интересующийся предметом студент настораживал уши. Эти отступления обыкновенно посвящались сообщению результатов собственных, иногда еще не опубликованных, изысканий лектора или же представляли отклик на существовавший в науке спор. Это придавало лекциям Л.А. значительный интерес, усиливаемый еще тем, что слушателям сообщались не выдержки из чужих книг, а плоды самостоятельных наблюдений человека громадной опытности»²².

Для домашнего чтения чаще всего использовались такие произведения, как «*De amicitia*» («Лелий, или О дружбе») и «*De officiis*» («Об обязанностях») Цицерона, оды Горация, «Энеида» Вергилия, «Метаморфозы» Вергилия, «Анналы» Тацита²³. Помимо обязательных лекций для студентов, Л.А. Миллер проводил и так называемые лекции *privatissime*, на которых читал два раза в неделю комедию Плавта «*Miles gloriosus*» («Хвастливый воин»)»²⁴.

Начав преподавание в Историко-филологическом институте, Л.А. Миллер обратил внимание на отсутствие серьезных учебных пособий и постарался по мере сил исправить это. В первое десятилетие

его пребывания в России он выпустил несколько учебных пособий для гимназистов и начинающих филологов, в первую очередь по метрике (они получили очень высокие оценки специалистов)²⁵. Сам Лукиан Адамович отмечал: «Преподавание в гимназии древних языков имеет целью развить умственные способности учеников, а также их фантазию и внушить им любовь к классической древности, особенно к поэтическим произведениям древних». И далее: «...вследствие частого пренебрежения метрикой для учеников утрачивается значительная часть прелести поэзии древних. Всякий педагог знает, что скандовка стихов для учеников даже старших классов представляет много затруднений и что эта трудность зачастую развивает и поддерживает в учениках нерасположенность к чтению древних авторов, между тем как размеры читаемых в гимназии классиков суть самое изящное создание гения древних языков. Вселить в учеников любовь и знание метрического искусства древних так, чтобы молодые люди, и оставив школу, сохранили понимание его красоты, — вот цель моего учебника»²⁶. Такую же цель он ставил и в работе со студентами, считая основным методом изучения объяснение явлений древней метрики и просодии с точки зрения языка²⁷.

В начале 1870-х годов в институте обсуждался вопрос о курсовых сочинениях студентов двух старших курсов. Профессора и преподаватели по русской и всемирной истории и русской словесности однозначно высказались за написание курсовых работ, а вот А.К. Наук²⁸ и Л.А. Миллер считали, что для студентов будет достаточно сложно справляться с филологическими темами, что такие работы для них преждевременны и лучше заменить курсовые усиленным чтением авторов. Однако Л.А. Миллер в виде исключения все же разрешил лучшим студентам написать такие курсовые работы²⁹. Это были сочинения по истории римской словесности, составленные на латинском языке. Так, в 1878/79 уч. г. были рассмотрены три сочинения: Льва Соколова «*Aeneidos Vergilii libri XII partis prioris elisionum exemplo et rationes inter se comparantur*» (дается разбор законов элизии, ее употребление у разных авторов), Михаила Ивановского «*In Sallustii Catilinae archaism demonstrantur*» (рассматривает архаизмы флексий и орфографии, синтаксис и лексику Саллюстия) и Шмидта фон дер Лауница «*Taciti annalium libri primi elocutionis poeticae exemplo colligantur et collecta illustrentur ratione habita maxima Vergilii*» (рассматривает словообразование и лексику, обращая в первую очередь внимание на те слова, которые или не встречаются у прозаиков до Тацита или встре-

чаются очень редко)³⁰. Все три работы были достаточно высоко оценены членами Конференции, отмечалось, что они написаны «чистым и исправным», а порой и «изысканным» латинским языком, было указано только на мелкие, незначительные их недочеты.

К сожалению, сохранилось чрезвычайно мало сведений о практике преподавания Л.А. Миллера. Один из его воспитанников, Б.В. Варнеке, впоследствии в своих воспоминаниях о студенческих годах так писал о нем: «...что особенно привлекало студентов в Л.А., так это его с ними обращение, проникнутое замечательным благодушием и доброжелательством. Беспощадный судья и злой критик других ученых умел быть чрезвычайно мягким по отношению к студентам, несмотря на всю строгость своих требований. Не было случая, чтобы профессор позволил себе задеть личность студента; никогда не гнался он за эффектами безнаказанного остроумничанья, и если шутил иногда над промахами студента, то всегда умел облекать свои шутки в такую невинную форму, что первым смеялся тот, в чей огород летел камень. На лекциях не было ни глумления над студентами, ни заискивания перед ними путем разных комплиментов и громких фраз; в аудитории всегда происходила тихая, скромная, но зато серьезная работа. И за порогом аудитории Л.А. был так же внимателен к студенческим нуждам: студент смело шел к нему со всякой просьбой, зная, что встретит самое сердечное отношение»³¹.

Преподавание в институте Л.А. Миллер вел на латинском языке, при этом «латынь его — а другого языка он просто не мог допустить (по-русски научиться не смог за 30 лет ничему, кроме “уличных” слов, а по-немецки из студентов говорило ничтожное меньшинство) — лилась свободно, и это мне лично послужило на великую пользу в зарубежных семинарах, участники которых на этот счет были куда слабее институтцев»³². При этом Б.В. Варнеке считал, что незнание Л.А. Миллером русского языка было проблемой: «На чужом языке поневоле стараешься спастись в привычных рамках готовых фраз, чтоб мысль свободно работала над содержанием, но оно роковым образом как раз из-за этого лишается глубины, пропадают все тонкости и оттенки, в каких и сказывается ум преподавателя. Л.А., конечно, владел латинской речью неизмеримо выше, чем я и мои коллеги украинским³³, все же слушателям-то его латынь была плохо доступна, и из-за этого они были неспособны при всем желании схватить глубокое содержание его лекций. За границей — то же самое. Но там латынь в ходу только в семинарах, участники которых на немецких лекциях общего характера

имеют полную возможность вполне оценить высоту изложения своего профессора»³⁴. Порой это приводило к конфликтам. Так, в 1874 г. Лукиан Адамович отказался принимать экзамен по латинским авторам на русском языке у славянских стипендиатов, предложив им на выбор в качестве языка общения немецкий, французский или итальянский. Это было расценено экзаменуемым как оскорбление³⁵.

Лукиан Адамович Миллер обращал большое внимание на необходимость для преподавателя классической древности постоянного «контакта» с латинскими и греческими авторами. При этом профессор считал, что научное домашнее чтение филолога должно быть двоякого рода: курсорное и «non multa, sed multum»³⁶. Своим ученикам и читателям он советовал некоторых авторов читать целиком, внимательно и педантично, чтобы «вполне ознакомиться не только с содержанием авторов, с их духом и мирозерцанием, с материальными и формальными особенностями, с эстетическими преимуществами и недостатками, но и с научными вопросами и исследованиями, которых они были предметом, и с главной ученой литературой, касающейся их. Только таким образом можно приобрести ту точность и тонкость, которая особенно необходима для филологических исследований. Вместе с тем такое внимательное чтение способствует приобретению филологического метода и упражнению в нем»³⁷. Но он отмечал и необходимость курсорного чтения многих и самых разнообразных классических авторов, чтобы «не потерять светлости и эластичности духа и чтобы ознакомиться с духом целой древности»³⁸. При этом заниматься, по его мнению, следовало такими авторами, которые отличаются либо эстетическими достоинствами, либо важностью содержания и способствуют правильной оценке и основательному пониманию древности. Такое чтение, как и чтение книг новых авторов, должно быть «без критических замыслов», поскольку «только таким образом можно добиться необходимой для филолога начитанности, без чего нельзя представить себе живой и обширной картины древнего мира»³⁹. И опять же упор делался на латинских авторов. Б.В. Варнеке отмечал у Л.А. Миллера равнодушие ко всему греческому, кроме Гомера. По мнению Б.В. Варнеке, в результате этого пренебрежения сильно потерял комментарий Л.А. Миллера к одам Горация. Кроме того, Л.А. Миллер не любил, когда греческих авторов читали другие. В воспоминаниях Б.В. Варнеке рассказывается о том, что, когда он, навещая больного Миллера, рассказал ему, что ежедневно читает древних авторов, чередуя греков и римлян, последний

заметил, что такая смесь станет только мешать, и советовал придер- живаться латинских авторов⁴⁰.

В 1884 г. Л.А. Миллер высказал на заседании Конференции инсти- тута предложение о введении для студентов специального курса ар- хеологии искусства. Однако в 1884 г. это предложение не было реали- зовано за отсутствием преподавателя и средств на его оплату⁴¹.

В 1879 г. Л.А. Миллер был приглашен и для чтения лекций по палеографии в Археологический институт⁴². Слушателям этого инсти- тута в течение ряда лет Л.А. Миллер читал курс латинской палеогра- фии, в ходе которого он излагал ее приемы, рассказывая подробно о форме букв, сокращениях слов или частей слов, разделении слогов или частей слов, знаках препинания и ударениях. Подробно разъяс- нялось при этом, как следует сличать или списывать рукописи. Сам Л.А. Миллер считал палеографию одной из важнейших дисциплин для историка: «Умение разбирать памятники письменности не пред- ставляет ничего таинственного или случайного. Надо ему выучиться методически, и при этом мы нуждаемся в знаниях разного рода. Надо вполне владеть языком, на котором составлен найденный памятник; потом нужно основательное знание исторических отношений и дан- ных, изучение слога и вместе с тем образа мыслей и миросозерцания автора, наконец, научный метод, пользуясь которым мы можем в сом- нительных случаях отличать ложное от верного или вероятного. Но всего это недостаточно без знания палеографии. Часто знание палеографии служит единственным средством для определения века и происхождения письменного памятника»⁴³.

Будучи сам вдумчивым и весьма дотошным издателем памятников древней письменности, Л.А. Миллер не просто делился собственным опытом и предостерегал от характерных ошибок, он старался наце- лить на методичный и скрупулезный труд и постоянно повторял: зна- ние палеографии необходимо для того, чтобы быть в состоянии верно издать текст памятника. Он указывал: «Изданию текста должно, ко- нечно, предшествовать обстоятельное описание рукописи относи- тельно ее содержания, времени и палеографических особенностей. Не следует скрывать от читателя, если в перечне вариантов маловаж- ные подробности, как, например, отступление от орфографии руко- писи или знаков препинания, пропущены», нужно помнить, что «древние рукописи редко копировались обычными писцами без оши- бок», «соображения издателя должны помогать передаче источников. Он должен испорченные места исправлять, пробелы дополнять, и то

и другое по законам критики», «когда текст документа надлежащим образом восстановлен, то под ним следует понимать все варианты рукописей, чтобы читатель всегда был в состоянии знать, что каждая рукопись содержит в себе и чего нет», и сразу предостерегает, что нельзя, «не разобрав того или другого места в тексте, не упоминая даже о вариантах, просто ставить в тексте догадку, даже в том случае, даже если она не имеет за собой ни малейшей палеографической вероятности и при том не соответствует ни смыслу, ни законам языка. Иногда смысл целого документа искажается ложным чтением или даже разделением одного слова»⁴⁴.

После знакомства с биографией Лукиана Адамовича, его научными работами и отзывами современников поражает редкое сочетание целеустремленности, продуктивности и духовной глубины его личности. Обладая от природы неиссякаемым запасом энергии и трудолюбия, он с равным успехом сумел реализовать себя как в педагогической, так и в научной сферах деятельности. Центральной, направляющей идеей здесь было неукротимое стремление к истине. В своих научных трудах он исключительно сосредоточился на критике и исправлении текстов древних латинских авторов. К этому разряду работ относятся, в частности, публикации произведений Федра и Горация. Подготовка текстов рукописей проводилась на основе принципов, которые были изложены им на лекциях в Археологическом институте, восходящих к учению К. Лахмана: вначале собрать все разночтения (варианты) имеющихся рукописей, затем исключить из рассмотрения те рукописи, которые, судя по разночтениям, переписаны с других. Затем таким же образом объединить в семьи рукописи, восходящие к одному промежуточному архетипу, а после этого методом ступенчатой реконструкции восстановить архетип, то есть исходную рукопись, к которой восходят все имеющиеся. Только после этого издатель может предлагать свои конъектуры и другие исправления, которые не базируются непосредственно на документальных свидетельствах.

В 1875 г. Л.А. Миллер активно занимался подготовкой издания басен Федра. Будучи весьма скрупулезным и дотошным ученым, при подготовке этого издания он слыхал различные сохранившиеся тексты римского поэта. Как известно, басни Федра дошли до нас в двух изводах, один из которых (более полный) хранится во Франции и представлен двумя рукописями IX–X вв. — Пифеевской и Реймской, тексты которых совпадают почти полностью и списаны с общего оригинала. Всего в этом изводе 103 басни, текст записан без разде-

ления на стихи под названием «*Fedri Augusti liberti liber fabularum*». Второй извод представлен Неаполитанской и Ватиканской (вторая копия первой) рукописями и содержит 64 басни (новых 33). Текст Федра переписан довольно небрежно. Ознакомиться с Ватиканским кодексом в Риме Л.А. Миллеру помог доктор Мендельсон, а летом 1875 г. Лукиан Адамович посетил Францию, где в Парижской библиотеке занимался сличением рукописей Федра, грамматика Нопия и Порфирия Октациана⁴⁵. Эта работа потребовала существенных финансовых вложений, которыми семья профессора не располагала, и ему пришлось через посредство директора института К.В. Кедрова обратиться к министру народного просвещения с прошением о компенсации ему хотя бы части расходов, связанных с подготовкой издания. По распоряжению министра Д.А. Толстого ему было выдано единовременное пособие в размере 400 руб.⁴⁶

Завершив работу над баснями Федра и составлением учебных пособий для старшеклассников по древней метрике, Л.А. Миллер принял публикацию сочинений Горация, которые также были направлены в первую очередь на помощь преподавателям гимназий по древним языкам. По мнению профессора Л. Миллера, в старших классах гимназий более целесообразным было бы читать лирические стихотворения Горация, однако программа предполагала чтение и его сатирических произведений. При подготовке данного издания Л.А. Миллер выпустил несколько од (14) и большую часть эподов, которые редко разбирались в гимназиях, однако оставшиеся произведения латинского поэта прокомментированы чрезвычайно подробно: приведены время написания оды или эпода, его посвящение, размер, краткое содержание, подробный разбор и толкование отдельных слов и выражений⁴⁷. Сам Л.А. Миллер считал, что Гораций весьма сложен: «В нем так много затрудненных и испорченных мест, что преодолеть все невозможно ни одному человеку, ни даже веку»⁴⁸. Все дошедшие до нас рукописи Горация достаточно поздние, поскольку в Средние века он не пользовался большой популярностью, поэтому в них так много разночтений; следует опираться на более древние рукописи и исторический контекст. Это издание Горация было признано одним из лучших и в 1890 г. награждено Петровской премией.

В 1894 г. началась подготовка издания произведений римских поэтов «*poetae minores*» (малые поэты) с критическим аппаратом, для чего Л.А. Миллер отправился в длительную заграничную командировку, растянувшуюся почти на 6 месяцев⁴⁹.

Помимо этих двух значительных изданий, Лукиан Адамович Миллер регулярно издавал либо монографии на немецком, русском (переводные) и латинском языках, либо большие научные статьи, публиковавшиеся в «Журнале Министерства народного просвещения». Все крупные печатные труды, в первую очередь те, которые выходили за границей, Л.А. Миллер преподносил в дар библиотеке института⁵⁰, а некоторые из них приобретались Конференцией института в качестве учебных пособий для студентов. При этом автор всегда стремился поддерживать высокий научный уровень своих трудов, соединяя их с практической необходимостью. Сам Л.А. Миллер отмечал: «Никогда общество не предъявляло ученым столь строгих требований, как в наше время. Это в значительной степени касается и представителей классической филологии, на которых лежит обязанность трудами своими сделать достойный отпор многочисленным врагам этой науки. Конечно, не подлежит сомнению, что всякая наука уже сама в себе заключает свое значение, свое достоинство, которое не приходится приносить в жертву неосновательным притязаниям дилетантов, изменчивым требованиям непросвещенной массы. Но, отстаивая неприкосновенность основ науки, представители ее вместе с тем обязаны всеми силами стараться ученые труды свои сообразовать с действительными потребностями практической жизни, прислушиваясь к ним без лени и высокомерия»⁵¹.

Приходилось Лукиану Адамовичу писать и торжественные поэтические опусы для императорских особ. Так, в феврале 1875 г. с разрешения Министерства Императорского двора был опубликован написанный им на латинском языке акrostих под заглавием «Alexandri Secundi Nicolai Filii Imheratoris Augustissimi Vicennalia Feliciter Agenda» с русским переводом⁵².

Лукиан Адамович был женат на Юлии Фридриховне Мейер, свадьба состоялась в Петербурге в немецкой реформатской церкви 27 декабря 1875 г. 17 мая 1878 г. у супружеской четы родилась единственная дочь Эрна, которая прожила очень недолгую жизнь и скончалась 21 марта 1884 г. от воспаления мозга⁵³.

Материальное положение семьи всегда было чрезвычайно затруднительным. Получая только жалование за чтение лекций, Л.А. Миллер чаще всего печатал научные труды за свой счет. В 1883 г. он вынужден был несколько раз обращаться за материальной помощью к министру народного просвещения И.Д. Делянову, просил о выдаче ему ежегодного денежного пособия в течение 3–4 лет «для заверше-

ния ученых трудов и разработки новых курсов». Собственных средств у Министерства народного просвещения не оказалось, и И.Д. Делянов обратился к министру финансов Н.Х. Бунге: «Отнесясь с полным сочувствием к ходатайству столь заслуженного ученого, принесшего несомненную пользу науке». И даже после этого вместо регулярного пособия Л.А. Миллер получил в 1883 г. только два единовременных пособия на сумму 1300 руб.⁵⁴

В последние годы жизни Л.А. Миллер сильно болел. В январе 1898 г. он подал прошение на имя директора Историко-Филологического института В.В. Латышева об освобождении его от чтения лекций в институте. В 1898 г. Конференция института признала просьбу профессора заслуживающей уважения и приняла решение распределить его лекции по римской словесности между Ф.Ф. Зелинским, И.И. Холодняком, Н.К. Гельвихом и А.И. Малеиным⁵⁵. Но, даже будучи практически прикованным к постели (он умирал от рака), Лукиан Адамович продолжал работу над очередным изданием Горация, которая оказалась незавершенной. Скончался профессор 12 апреля 1898 г. и был похоронен на Смоленском евангелическо-лютеранском кладбище.

Миллер был одним из лучших знатоков языка латинской поэзии. Но его резкость в полемике вызывала антипатию к ученому и явно тормозила карьеру. Тем не менее его труды имеют большое значение для исследований по ранней латыни. Будучи одним из выдающихся авторитетов в области древней метрики, Лукиан Адамович оказал большое влияние на последующие поколения специалистов-метриков. Его переводы и исправления текстов значимы и сегодня: «Теперь, через 36 лет, когда я за границей слушал лекции его врагов, я повторил бы то же самое и опять назвал бы его и очень крупным ученым, и очень хорошим преподавателем. Недаром американцы и англичане так ценят его издания. Римскую литературу от сатурниев до Рутилия он знал великолепно, Горация и Вергилия держал в памяти целиком, наизусть цитируя и Сервия, и Акрона, а я, проверяя по изданиям, ни разу не подметил неточности», — писал Б.В. Варнеке⁵⁶.

Список печатных трудов Л.А. Миллера

1. Milleri L. De re metrica poetarum latinorum libri. Lipsiae, 1861.
2. Geschichte der klassischen Philologie in den Niederlander von L.M. Leipzig. 1869.
3. Oden und Epoden des Horaz. Mit Anmerkungen von L. Miller. Diessen, 1. Pricker.

4. C. Lucili. Saturarum reliquia. Lipsial. 1872.
5. Rei metricae poetarum Latinorum.
6. Orthographiae et prosodiae Latinae summarium.
7. Gedanken ubre das stadium der dassischen Philologie. Berlin, 1878.
8. Publii Optatiani Porfyrii carmina.
9. Phaedri fabularum Aesopicarum libri quinque.
10. Vitruviide architectura libri decem, ediderunt Valentinus Rose et Herman Muller. Strubing. Lipsiae, 1867.
11. Friedrich Ritsche, eine wissenschaftliche. Biographie. Berlin, 1877.
12. Rei metricae poetarum Latinorum praeter Plautum et Terentium summarium.
13. Миллер Л.А. О пользе изучения палеографии для будущего архивиста и библиотекаря // Сборник Археологического института. 1880. Кн. IV. Прилож. С. 13–18.
14. Избранные оды и эподы Горация с прим. Л. Миллера. СПб., 1881.
15. Миллер Л. Греческая и римская метрика для старших классов гимназий и начинающих филологов.
16. Livi Andronici et Cn. Naeri fabularum reliquarum. Berlin, 1885.
17. Der saturnische Vers. Berlin, 1885.
18. Q. Horatii Flacii carmina. 1879.
19. Summarium rei metricae poetarum Latinorum.
20. Summarium ortographiae et prosodiae Latinae.
21. Q. Horatii Flacii carmina. Избранные оды и эподы Горация с примечаниями. СПб., 1881.

Статьи Л.А. Миллера в «Журнале Министерства народного просвещения»

1. De Publii optatiani Porfyrii carminibus 1876. № 183. С. 98–170.
2. Phaedri (Ut videtur) Fabulae XX. Ex pedesti sermone transtatae in versus. 1875. № 178.
3. De emendandis Phaedri fabulis. 1876. № 184.
4. De Phaedri et Aviani fabulis. 1874. № 173.
5. Филологические заметки.
 - I. Hor. Ep. I, 20, 19–28.
 - II. Mart. Epigr. VI, 19.
 - III. О формах “mihī”, “nihīl”, и “vehemens” “prehendo”.
 - IV. Virg. Aen. II, 407–424. 1876. № 2. С. 22–38.
6. De Ph. et Aviani fabulis. 1874. № 5.
7. Ph. fabulae XX. 1875. № 4.
8. О разрешении арзиса у Федра. 1876. № 4.

9. De emendandis Ph. fabulis. 1876. № 4.
 10. Indeces lectionum quae in Akademia Marburgensi per semester hibernum a. 1875–1876 habendae proponuntur. Vitae Cotonis fragmenta Marburgensia nuper repertu praemisit Henricus Nissen. Ч. CLXXXIV. С. 46.
 11. De Vergilii Aeneidas. I, 390–401. Ч. CLXXXV. С. 3.
 12. О nomen gentile автора Энеиды. Ч. CLXXXIX. С. 1.
 13. Фридрих Ритчль. Ч. CLXXXX. С. 197.
 14. Claudii Claudianin Carmini. Ч. CLXXXXI. С. 49.
 15. Quaeritur de eo quod est “nauci facere” et sin. Ч. CLXXXXI. С. 76.
 16. Краткая просодия и элементарные сведения из метрики латинского языка. Состав. Н. Кувшинский. Ч. CLXXXIII. С. 58.
 17. P. Virgilii Maronis opera. Oeuvres de Virgile. Texte latin, publié les plus récents de la philologie avec un commentaire critique et explicative, une introduction et une notice par E. Benoist. Ч. CLXXXIV. С. 90.
 18. По поводу Энеиды Вергилия VI, 882–887. Ч. CLXXXIV. С. 49.
 19. Petreis. Ч. CC. С. 147.
 20. Отрывок из истории литературы позднейшего периода римской империи. Ч. CC. С. 177.
 21. Этюды о древней метрике. 1879. Октябрь. С. 335–353.
 22. О количестве и качестве необходимой филологу начитанности. 1879. Июль. С. 227–235.
 23. Об основах критики стихов Горация. 1879. Февраль. С. 65.
 24. Жизнь и сочинения Горация. 1880. Март. С. 61–142.
 25. De Varronis loco quodam. 1880. Июль. С. 349–350.
 26. De primo et gravissimo professoris litterarum antiquarum officio. 1881. CCXIII. С. 170–176.
 27. Philologische Wochenschrift. Unter Mitwirkung von Georg Andresen und Herman Heller herausgegeben von Wilhelm Airschfelder. 1882. CCXIV. С. 458–460.
 28. De Q. Ennii Annalibus. 1883. Август. С. 27–43.
 29. Gelliana. 1884. Май. С. 16–17.
 30. Questionum Naevianarum capita tria. 1884. Январь. С. 1–26.
 31. De Livi Andronici et Cn. Naevi fabulis. 1885. Май. С. 227–296.
-
1. ПСЗ. Собр. II. Т. XLII. Ст. 44767.
 2. Экштейн Фридрих-Август (1810–1885) — немецкий педагог, филолог, лексикограф, профессор классической филологии Лейпцигского университета, доктор филологии (с 1831 г.), ректор школы св. Фомы в Лейпциге (1863–

1881). По ходатайству министра народного просвещения гр. Д.А. Толстого был награжден русским орденом св. Станислава 2-й степени.

3. Кисслинг Адольф (1837–1893) — немецкий филолог-классик. Окончил Боннский университет в 1860 г. В 1863–1869 гг. — профессор классической филологии Базельского университета, в 1869–1872 гг. — Гамбургского университета, с 1872 г. — профессор университета в Грайфсвальде. Совместно с Ульрихом фон Вилламовиц-Меллендорфом издавал «Филологическое обозрение».

4. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 343. Л. 2 об.

5. Август Майнеке (1790–1870) — немецкий педагог и филолог-классик. Возглавлял Иоахимстальскую гимназию. Специалист по греческим комедиям-драмам.

6. Neue Deutsche biographie. Berlin, 1997. С. 453.

7. Варнеке Борис Васильевич (1874–1944) — русский и советский филолог-классик, историк театра, один из учеников Л.А. Миллера.

8. *Варнеке Б.В.* Лукиан Адамович Мюллер (некролог) // Филологическое обозрение. 1898. № 14. С. 174.

9. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 343. Л. 3–4 (диплом Берлинского университета подписан доктором А. Брауном).

10. Бек Август (1785–1867) — немецкий филолог-классик, основоположник греческой эпиграфики. Составитель первого научного критического издания «Свод греческих надписей» (1824–1859).

11. Лахман Карл Конрад Фридрих (1793–1851) — немецкий филолог-классик, основоположник современной практики критического издания античных текстов.

12. Neue Deutsche biographie.

13. ЦГИА СПб. Ф. 46. Оп. 1. Д. 211. Л. 3.

14. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 262. Л. 26–27.

15. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 309. Л. 92 об. — 93.

16. *Варнеке Б.В.* Лукиан Адамович Мюллер. С. 180.

17. ЦГИА СПб. Ф. 46. Оп. 1. Д. 211. Л. 1.

18. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2380. Л. 1.

19. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1083. Л. 31.

20. *Варнеке Б.В.* Лукиан Адамович Мюллер. С. 182.

21. ut obiter dicam (лат.) — как я говорю.

22. *Варнеке Б.В.* Лукиан Адамович Мюллер. С. 182–183.

23. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 936. Л. 2, 13; Д. 1181; Ф. 46. Оп. 1. Д. 914. Л. 11; Д. 902. Л. 20–20 об.

24. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1083. Л. 4 об. — 5.

25. См.: *Корш Ф.* Рец. на: L. Muelleri. De re metric. Petropoli et Lipsiae. MDCCCLXXXIV // Филологическое обозрение. 1895. Т. 8. С. 168–170.

26. Греческая и римская метрика для старших классов гимназий и для начинающих филологов, обработанная Л. Миллером. СПб., 1880. С. 3–5.

27. Миллер Л.А. Этюды о древней метрике // ЖМНП. 1879. Октябрь. С. 335–353.
28. Наук Август Карлович (1822–1892) — немецкий и российский филолог-классик, академик. В 1869–1883 гг. — ординарный профессор греческого языка и литературы в Историко-филологическом институте.
29. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 425. Л. 131 об. — 132 об.
30. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1083. Л. 16, 24 об. — 25.
31. Варнеке Б.В. Лукиан Адамович Мюллер. С. 184.
32. Варнеке Б.В. Старые филологи / Вступ. ст., подгот. текста, публик. и коммент. И.В. Тункиной // Вестник древней истории. 2013. № 4. С. 146.
33. Б.В. Варнеке в 1910–1944 гг. работал профессором Новороссийского университета (Одесса). В 1927–1933 гг. нарком просвещения УССР Н.А. Скрыпник проводил политику насильственной украинизации, которая проявлялась в том числе и в запрете русского языка для преподавания в вузах.
34. Варнеке Б.В. Лукиан Адамович Мюллер. С. 147.
35. РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 501. Л. 1–2.
36. non multa, sed multum (лат.) — не много, но много.
37. Миллер Л.А. О количестве и качестве необходимой для филолога начитанности // ЖМНП. 1879. Июль. С. 227–228.
38. Там же. С. 228.
39. Там же. С. 231.
40. Варнеке Б.В. Лукиан Адамович Мюллер. С. 146–147.
41. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1640. Л. 19–19 об.
42. ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 498. Л. 2.
43. Миллер Л.А. О пользе изучения палеографии для будущего архивиста и библиотекаря // Сборник Археологического института. 1880. Кн. IV. Прилож. С. 14.
44. Там же. С. 13–18.
45. РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 145. Л. 143–144.
46. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 343. Л. 29–29 об.
47. Избранные оды и эподы Горация с примеч. Л. Миллера. СПб., 1881.
48. Миллер Л.А. Об основах критики стихов Горация // ЖМНП. 1879. Февраль. С. 65.
49. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2302. Л. 1–1 об.
50. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 519. Л. 156 об.; Д. 1181. Л. 54.
51. Избранные оды и эподы Горация с примеч. Л. Миллера. СПб., 1881. С. 1.
52. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 343. Л. 26.
53. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 343. Л. 31, 33.
54. РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 302. Л. 5–6, 14, 15.
55. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2597. Л. 2.
56. Варнеке Б.В. Старые филологи. С. 146.